

Неисповедимы пути Господни...

Начало положил Рождественский сочельник

Я переехал в Васильевское как раз на 2009 Новый год. И впервые пришел в Васильевский храм в Рождественский сочельник. Дом мой напротив храма! Просто перешел дорогу и зашел на службу. А так получилось вскоре, как будто я заново родился. Все неожиданно перевернулось в моей жизни, в душе произошли сильные изменения – сейчас уже пономарь – и это благодаря отцу Сергию Сапуну.

Здесь, в Васильевское, у меня был долгий путь. Сам я родом из Самары. С детства писал стихи. Начинать обучение с юридического факультета, но не привлекала меня юриспруденция. Оставил. Восемь лет потом учился в Московском литературном институте. Когда умерли мои бабушка с дедушкой, родители предложили поменять их квартиру на жилье в том месте, где мне понравится. Очень захотелось жить в Сергиевом Посаде, но денег не хватало. А на квартиру в Васильевском – в самый раз! Вышел на балкон – храм перед окном, вот здорово! И купил без колебаний.

Познакомился с отцом Сергием (покойным), стал исповедоваться, причащаться, просто общаться с батюшкой. Потом почувствовал, что он стал благоволять ко мне. Предложил алтарничать. Конечно, я с радостью согласился. Два года уже в алтаре прислуживаю. Многого я не знал и не понимал поначалу, но никогда от меня не вразумлял открытым текстом. Все истории какие-то рассказывал, шутил, про то, как кто-то там что-то такое неправильно делал... Я смотрю – это же он про меня рассказывает. Или на исповеди, – он мне никогда прямо не отвечал на вопрос, все притчаем, потом я понял, он как любящий врач старался не навредить.

Очень поразило меня в отце Сергии удивительное жизнелюбие. Я не видел его унылым. Никогда он голос не повысил ни на кого, всегда был спокойный, жизнерадостный. Вольно или невольно, к такому человеку тянешься. Болел он сильно, но никогда я не слышал от него, чтобы он скулил, жаловался о своей болезни. Бывало, порою, сжимался он в комочек от боли в алтаре. И даже тогда не ныл, только говорил, что с его болезнью люди лишь чуть-чуть походят и снова в постель. Периодически он ложился на операцию. Говорил, что врачи, когда узнают, что еще служу в храме, за голову хватаются, не могут поверить. Но сам он упорно скрывал от нас свое истинно тяжелое положение, так что смерть его все равно оказалась неожиданной. Да и кроме того, у отца Сергия столько было планов в последние месяцы жизни по реставрации церкви... Очень деятельный всегда был. Проповеди его были долгие в последнее время. Видимо, очень хотел донести до нас что-то

очень важное. Часто любил повторять: «Этот храм не мой, он ваш, берегите его! Детей сюда чаще приводите!» Такую черту я в нем подметил – детскость какая-то была в нем, непосредственность, но при этом он был человеком мудрым. Сам очень простой, он был, скорее, не наставником, а другом.

Помню последний день рождения батюшки в храме. Как оказалось, это была его последняя трапеза со своим приходом. Перед отцом Сергием такой краси-

вый пирог стоял с завитушками. Все мы на еду нажимали, а батюшке есть уже почти ничего нельзя было. А мы все ели и ели, ну а он как распорядитель, все шутил с нами. Я рядом с отцом Сергием сидел и все глаз с пирога не сводил, потом попросил у него кусочек. Батюшка разулыбался, отрезал кусок и мне протягивает. А потом и все запросили: «Батюшка, можно и нам вашего пирога?!» Он смеется: «Все-все берите моего пирога!» Очень символично получилось – на последней трапезе он нам всем раздал по куску от пирога. Такое необычное благословение!

сразу сменил тему разговора. У меня дней за десять до его смерти был сон или видение, может быть. Как обычно, помолился, лег спать, а было жарко и окно открыто для проветривания. И вдруг совершенно явственно вижу: со стороны окна батюшка появился: в подряснике, в камиллавке, с крестом на груди. Только очень похудевший. Показался секунды на 2-3 и исчез. Утром я стал звонить, узнавать, что с ним случилось. Все нормально, говорят, даже легче ему стало. Потом уж так получилось, что выхожу мои окна на его могилку, которая возле храма. И я теперь каждое утро выхожу на балкон и говорю: «Здравствуй, батюшка!»

А когда пришла горькая весть в храм, мы служили молебен о здравии за болящего отца Сергия. Слышу, шум какой-то в храме начался, оказывается, Любовь Михайловна зашла и сказала: «Матушка звонила, нет больше батюшки!» Все заплакали. Молодой отец Сергий тоже горько плакал. Потом он громко запел «Верую...», все за ним подхватили, а следом же первую панихиду стали служить о новопреставленном. Ведь почивший настоятель столько сделал для храма, можно сказать, всего себя отдал церковному благолепию. Я же несколько раз собирался поговорить с ним о своем поступлении в семинарию, да все откладывал. Думал, вот он выйдет из больницы, тогда и посоветуюсь. Что удивительно, батюшка умер 21 августа, а хоронили его 23-го, в день моего рождения. А вопрос этот меня давно волновал: угодно ли будет Богу, чтобы мне в семинарию поступать и священником стать? Мне кажется, что весьма неожиданно, но батюшка ответил на мой вопрос: «Я ушел, теперь ты иди тем путем, по которому я шел!»

Денис Семенов, писатель, алтарник Васильевской церкви

Вечная ему память

Останется в сердцах и молитве!

Как тяжело сдерживать душевную боль, которая жмет грудь – от нас ушел в иной мир отец Сергий. Человечек с большой буквы. Он жил храмом, молитвой, любил свою семью, любил прихожан.

Когда он впервые пришел сюда, храм был почти разрушен. На куполах росли березы, полы были в ямах, стены осыпались изнутри и снаружи. Храм был завален хламом, стекла разбиты, внутри жили птицы. Когда начались первые богослужения, храм начали отогревать буржуйкой, которая топилась дровами по-черному, и дым шел в храм. Батюшка и прихожане в храме даже в валенках мерзли, руки и ноги не согревались. А сверху долго падали осколки кирпичей.

Но отец Сергий не испугался трудностей. И нас утешал, говоря: «С Божьей помощью все изменится!» За 20 лет служения он очень много сделал: развалины превратились в райский уголок. В храме

Сегодня Пребогатый обнищал ради нас, пригласи же, богатый, бедняка на свою трапезу. Сегодня мы получили дар, коего не просили, будем же подавать милостыню тем, которые призывают к нам и просят.

Преп. Ефрем Сирийский

сейчас тепло, светло и уютно. Отец Сергий кроме церковных забот еще переживал и о людях нашей деревни. Замечал всех, кто нуждался в помощи, помогал всем от чистого сердца. У него часто сияли глаза от радости за нас и за храм, который постепенно менялся.

Это был человек доброй души. За чужую боль он всегда переживал как за свою. Был очень внимательным к каждому прихожанину. Умел выслушать, дать умные советы, рассудить и разъяснить, как надо поступить. Он всегда говорил, что в жизни – главное – это уметь смиряться. «Если будем смиряться с близкими, соседями и вообще со всем миром, значит, Господь услышит наше смирение и все будет хорошо. Злоба, ненависть и месть еще никого до добра не довели». Мы его очень любили как родного отца. Входил он

в храм всегда с улыбкой и шутками. И сразу поднималось настроение от его прихода. Он много сил потратил на восстановление храма, любил свой приход. Это для него был дом родной.

Планов у него было много, но, видимо, он чувствовал, что дни его коротки и при жизни нашел себе замену, и ведь тоже отца Сергия, молодого батюшку. Потому что даже в болезни он беспокоился о прихожанах – чтобы не остались без пастыря. Мы его очень любили и любим. Сорок дней после смерти каждый вечер прихожане приходили на панихиду о новопреставленном настоятеле и молились о его упокоении со слезами на глазах и с любовью. Господь забрал его, но батюшка не будет забыт в наших сердцах и молитвах.

Лидия Горлова, прихожанка Васильевской церкви

Рис. Брагиной Алины

*Звезда погасшая упала,
жизнь пастыря оборвалась.
Отца Сергия не стало,
слеза невольно пролилась.
Ты с чистой совестью ушел,
сиротами нас не оставил,
При жизни пастыря нашел,
чтоб он приход возглавил.
Перед иконой Твоей, Господи,
снова на колени встаю:
Не оставь раба Божия в горести, –
упокой его душу в раю!*

